

Литература

1. Fodor, J. A. The language of thought [Текст] / J. A Fodor. – NY: Thomas Y. Crowell Company, 1975. – 215 p
2. Дубровский, Д. И. Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики [Текст] / Д. И. Дубровский. – М.: Наука, 1971. – 385 с.
3. Давыдов, Н. С. Проблематика сознания и искусственного интеллекта в работах Дубровского Д. И. [Текст] / Н. С. Давыдов, А. Ю. Нестеров // Сборник трудов международной молодежной научной конференции XIV Королёвские чтения. – 2017. – № 1. – С. 485-486.

И.В. Дёмин

СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЛИЗМ С.А. АСКОЛЬДОВА КАК ФИЛОСОФСКАЯ АПОЛОГИЯ ЧУДА

(Самарский университет)

В философии нового времени понятие чуда, независимо от его конкретной трактовки, неизменно оказывалось центральным в ходе обсуждения целого ряда «вечных» философских вопросов: о соотношении знания и веры, философии и религии, религиозного и научных способов видения мира и т.д. Тем более удивительным представляется тот факт, что вплоть до начала XX в. в европейской интеллектуальной традиции не было предпринято сколько-нибудь значимых попыток *философской апологии* понятия чуда. Сергей Алексеевич Аскольдов (Алексеев) был первым представителем русского «религиозно-философского ренессанса», обратившимся к философскому осмыслению понятия чуда.

Аскольдов рассматривает проблему чуда в широком историко-философском контексте и помещает её в центр философских дискуссий своего времени. Новизна подхода, представленного в статье Аскольдова «В защиту чудесного» (1903-1904), состоит в стремлении автора выйти за пределы традиционной дихотомии «философская критика – богословская апология» в осмыслении понятия чуда. Аскольдов проблематизирует данное понятие и ставит вопрос о гносеологических и онтологических (метафизических) условиях и предпосылках, позволяющих говорить о самой *возможности* (мыслимости) чудесного как такового. В трактовке Аскольдова отправным пунктом рассмотрения проблемы чуда становятся не тексты Священного Писания и Предания, но *человек* как «пограничное существо между естественными и предполагаемыми сверхъестественными факторами»⁵.

---

⁵ Аскольдов С. А. В защиту чудесного // Вопросы философии и психологии. – 1903. – Кн. 70. – С. 439.

Аскольдов выделяют три типа аргументов против признания возможности чудесного: гносеологические, метафизические и этические. При этом этическим аргументам уделяется наименьшее внимание, а основной акцент делается на аргументах гносеологического порядка. Гносеологические аргументы призваны показать *немыслимость* самой идеи чудесного, её противоречие формальным законам восприятия и мышления. Аргументы онтологического плана направлены против той картины мироздания, в которой допускается действие высших духовных существ («субъектов» чудотворения), способных превозмочь законы природы. Наконец, в этических аргументах понятие чудесного раскрывается как противоречащее запросам и требованиям морали.

Все контраргументы, которые приводит Аскольдов, имеют *философский* и *мировоззренческий*, а не исторический или богословский характер. Аскольдова интересует не вопрос об *исторической достоверности* сообщений о тех или иных фактах чудесного и не символическое значение чудес в контексте христианского миропонимания, но только *условия мыслимости* понятия чуда.

В ходе разбора гносеологических аргументов против идеи чуда ключевой для Аскольдова становится категория *причины*. Он различает два подхода к пониманию категории причинности: феноменалистический и субстанциалистический. В противоположность феноменализму, сводящему онтологический закон причинности к совокупности природных закономерностей, Аскольдов формулирует более универсальное определение: «причина есть необходимое предыдущее (или сосуществующее) для данного явления»⁶. В такой формулировке понятие причинности не исключает возможности чуда.

Разобрав и отвергнув гносеологические аргументы против идеи чуда, выдвинутые феноменалистическими доктринами, Аскольдов во второй части своей статьи предлагает положительное разрешение проблемы чудесного. С этой целью он выдвигает «спиритуалистическую гипотезу» и разбирает её возможные опровержения со стороны таких философских течений, как материализм и эмпириокритицизм. Спиритуалистическая гипотеза призвана эксплицировать онтологические (метафизические) предпосылки теории чудесного. Ключевой тезис этой гипотезы формулируется Аскольдовым так: «понятие чудесного необходимо предполагает бытие духовных существ высшего порядка и их воздействие на так называемый материальный мир с его законами»⁷.

Тип мирозерцания, который делает возможным событие чуда, Аскольдов определяет как «метафизический спиритуализм». Сущность спиритуалистического мировоззрения «состоит в признании всего мира состоящим из *духовных существ* различных степеней совершенства и силы, называемых монадами, субстанциями или душами»⁸ (курсив Аскольдова – И.Д.). И используемая автором терминология, и характер описания «спиритуалистического мировоззрения» позволяют обнаружить в нём элементы персонализма и панпсихизма,

⁶ Там же. С. 474.

⁷ Аскольдов С.А. В защиту чудесного (окончание) // Вопросы философии и психологии. – 1904. – Кн. 71. – С. 1.

⁸ Там же. С. 3.

что сближает концепцию Аскольдова с построениями таких русских философов, как А.А. Козлов, Л.М. Лопатин, Н.О. Лосский.

Онтологические утверждения об иерархической структуре мироздания, о мире как «системе духовных существ» в концепции Аскольдова не постулируются догматически, но выводятся из гносеологического анализа человеческого сознания и опыта, что сближает его построения не только с персонализмом и интуитивизмом Н. О. Лосского, но и с критической онтологией Н. Гартмана.

Задача обоснования возможности и мыслимости чуда в контексте спиритуалистического мировоззрения, как понимает её Аскольдов, сводится к тому, чтобы показать отсутствие противоречий между идеей чудесного и данными опыта. Эта задача существенно облегчается тем обстоятельством, что термин «опыт» в концепции Аскольдова используется в более широком смысле, нежели в классическом позитивизме и эмпириокритицизме. «Опыт» у Аскольдова не сводится к чувственному познанию, но представляет собой синоним «непосредственного переживания»⁹. В такой трактовке опыта он примыкает к интуитивизму Н.О. Лосского¹⁰. «Гипотеза существования высших факторов, – пишет он, – ни в каком случае не может быть признана стоящей в противоречии с опытом»¹¹. Однако констатация отсутствия противоречий между понятием чуда и данными опыта не означает возможности *эмпирической проверки* спиритуалистической гипотезы и научного подтверждения спиритуалистического мировоззрения. Напротив, Аскольдов подчёркивает, что спиритуалистическая гипотеза принципиально не может быть «верифицирована» методами естественных наук.

Сущность спиритуализма как мировоззрения состоит в том, что в нём человеческое сознание рассматривается в качестве *прототипа всякого бытия вообще*, именно в душевной жизни усматривается «истинная сущность причинности»¹². Тот тип причинной связи, который характерен для области душевной жизни, экстраполируется Аскольдовым как на мир «низшей природы», так и на гипотетических мир «высших существ». Законы природы в контексте спиритуалистического миропонимания, сохраняя своё относительное значение в сфере «низшей природы», утрачивают абсолютный характер. Признание этих законов единственными законами бытия было бы «равносильно признанию низших существ единственными формами бытия»¹³.

В свете намеченной Аскольдовым онтологической модели персоналистского спиритуализма чудо предстаёт не как *нарушение* законов природы, но как их *дополнение и преодоление*. Суть чудесного не в отмене или приостановке

---

⁹ См.: Аскольдов С.А. Основные проблемы теории познания и онтологии. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1900. – 250 с.

¹⁰ См.: Лосский Н. О. Обоснование интуитивизма. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1906. – 380 с.

¹¹ Аскольдов С. А. В защиту чудесного (окончание). С. 25-26.

¹² Там же. С. 32.

¹³ Там же. С. 35.

действия закона причинности, а в преодолении низшей причинности причинностью высшей (свободной, творческой, творящей).

Ключевую роль в концепции Аскольдова играет *растождествление* понятий «причинность» и «закономерность». Сплавление этих понятий представляет собой следствие материалистического предрассудка. Событие чуда по определению не может мыслиться как нечто закономерное и регулярное (чудо всегда *иррегулярно*), но из этого не следует, что оно противоречит фундаментальному онтологическому закону причинности. «Причинность» и «закономерность», согласно Аскольдову, представляют «два понятия, друг другу совершенно чуждые и сопутствующие друг другу лишь на низших ступенях действительности»¹⁴.

В предложенной Аскольдовым спиритуалистической и персоналистской трактовке чудесного имплицитно предполагается, что событие чуда не только не отменяет законов природы (необходимых, регулярных взаимосвязей), но косвенным образом *подчёркивает их необходимость и объективный характер*¹⁵.

Рассматривая мировоззренческие и метафизические основания идеи чуда, Аскольдов показывает, что понятие чуда может быть осмыслено лишь в контексте теистического миропонимания, причём речь идёт о теизме, переосмысленном в персоналистском ключе. С пантеизмом (во всех его философских и религиозно-философских вариациях) идея чуда категорически несовместима.

Показывая укорененность идеи чуда в теистическом миропонимании, Аскольдов в то же время предостерегает от некритического отношения ко всему тому, что выдается или может выдаваться за чудесное. Философско-теоретическое оправдание чуда не исключает критического отношения к конкретным фактам и обстоятельствам его проявления. Однако критическая установка в отношении к чудесам не может быть связана с наукой, поскольку «понятие чуда прямо противоречит возможности его преднамеренной и научной проверке»¹⁶.

Отказав науке в возможности критической проверки фактов чуда, Аскольдов оставляет вопрос об основаниях различения подлинных чудес и мнимых (вне контекста религиозного откровения) открытым.

Литература

1. Аскольдов С. [Алексеев С.А.] В защиту чудесного // Вопросы философии и психологии. – 1903. – Кн. 70. – С. 431-474.

---

¹⁴ Там же. С. 41.

¹⁵ Объективность законов природы при такой трактовке косвенным образом доказывается тем, что действие преодоления предполагает наличие того, *что* преодолевается, то есть низших сил природы. Позднее Клайв Стейплз Льюис выскажет ту же мысль: «Если какая-нибудь часть природы беззаконна и неупорядочена, слово “чудо” становится там бессмысленным» (Льюис К.С. Чудо / пер. с англ. Н. Трауберг. М.: Дом Надежды, 2008. С. 83).

¹⁶ Аскольдов С. А. В защиту чудесного (окончание). С. 50.

2. Аскольдов С. [Алексеев С.А.] В защиту чудесного (окончание) // Вопросы философии и психологии. – 1904. – Кн. 71. – С. 1-61.
3. Аскольдов С. [Алексеев С.А.] Основные проблемы теории познания и онтологии. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1900. – 250 с.
4. Лосский Н. О. Обоснование интуитивизма. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1906. – 380 с.
5. Льюис К. С. Чудо / пер. с англ. Н. Трауберг. – М.: Дом Надежды, 2008. – 288 с.

А.И. Демина, А.Ю. Нестеров

ПОНЯТИЕ ИНТУИЦИИ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ «ЧЕТВЁРТОГО ЦАРСТВА»

(Самарский университет)

Понятие интуиции является ключевым элементом теории творчества и теории познания. Это та точка, в которой осуществляется переход от субъективирующей, рецептивной, познавательной деятельности к объективирующей, проективной, творческой. Классически, со времен античности, интуиция рассматривается в проблемном поле процесса познания, в рамках оппозиции чувственного и логического, дискурсивного и недискурсивного мышления. Своего апогея оппозиция интуитивного и логического познания достигает в философии итальянского неогегельянца Бенедетто Кроче [7]. По Кроче, познание имеет две формы: интуитивную и логическую. Интуиция оперирует фантазией, логика – интеллектом, интуиция есть познание индивидуального, отдельных вещей, логика – универсального, отношений, интуиция производит образы, логика – понятия [7, с. 3].

Оппозиция чувственного и логического в XX в. закрепляется в исследовании интуиции в психологии в рамках изучения как механизмов мышления, так и проблем творчества. Психология остается в этих рамках, сначала отождествляя интуицию с чувственным, бессознательным. Интуиции как чувственному компоненту может отводиться различная роль в процессе творчества: отправной точки, как, например, у Пиаже, который рассматривает интуицию как образное предметное мышление, характеризующее главным образом дологическую стадию развития интеллекта, которая с возрастом уступает место логическому мышлению [3, с. 314]), либо необходимой фазы в двухкомпонентном процессе сменяющих друг друга логического и интуитивного этапов (Маслоу, Пуанкаре, Адамар и др. [1; 6]).

Психологами описываются характерные особенности интуиции, например советский ученый М.А. Мазманян и его сотрудники отмечают следующие: «а) в акте творчества процессы, приводящие к интуитивному познанию, не осознаются. Интуиция выступает результативно; б) интуиция обычно проявляется в неразрывной связи с вдохновением, эмоциями и аффективным состоянием, что обуславливается необыкновенным подъемом духовных и физических сил в